

Ориентальное переводоведение и его болевые точки

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 1999

1. Недавно А. А. Брудный написал: “... великая школа перевода, существовавшая в советской империи, погибла” [2: 195, прим. 1]. И с ним нельзя не согласиться, правда, с одной поправкой: ориентальное переводоведение как часть “великой школы перевода” погибнуть не могло, ибо его у нас не было. А если оно и существовало, то в виде самого общего Плана или частно-конкретных наблюдений и советов относительно характера и сути текстов продуктивной семантики (текстов художественной литературы), функционирующих, например, в китайской, японской и корейской лингвокультурных общностях, а также в виде примечаний/комментариев (в текстах ПЯ¹), свидетельствующих, скорее, о наличии сложных теоретических и прагматических проблем, чем об их решении.

2. Но что-то у нас все-таки было? Да, были и еще есть переводчики, занимающиеся, например, созданием русских версий и “классической”, и современной китайской поэзии и прозы. Есть и были установки, негласно разделяемые всем ориентальным сообществом (и китаисты в этом отношении — не исключение) и влияющие на качество не только переводимых художественных текстов, но и на успешность формирования концептуального аппарата ориентального переводоведения. Среди этих установок (например, на сперхспециализацию и усвоение корпоративных мнений) самой пагубной являлась и является следующая: каждый китаист, японист или кореист способен переводить все и вся — в том числе и художественную литературу. Каждый востоковед — переводчик милостью Божьей: если он освоил какой-либо “экзотический” язык, то в немалой степени и потому, что успешен в пользовании родным языком и способен на его креативное использование.

3. Короче говоря, каждый востоковед — априори больше, чем востоковед: он не только профессионально авторитетен и самодостаточен, но и талантлив в литературном отношении.

Результаты такого лестного образа самого себя оказались самыми печальными: переводческая продукция Л. Эйдлина и Л. Черкасского дискредитировала старокитайскую поэзию (ее образно-тропологическую и эмотивно-когнитивную ценность), а переводческие опусы Г. Ярославцева (и многих других, а имя им — почти легион) —

¹ ПЯ — язык перевода.

новокитайскую. Исключения, конечно, встречаются: это переводы, но не все, И. Голубева и А. Гитовича, а также часть переводческих версий, предложенных М. Басмановым. Нетривиальным, возможно, окажется и подход Б. Вахтина, чьи переводы Мэн Хаожаня (и других танских поэтов) еще не опубликованы: в последние свои годы он усиленно отыскивал новые “технологические” приемы, адекватные/квазиадекватные сути классической поэзии.

4. Переводы старокитайской прозы, предложенные В. М. Алексеевым, остаются эталонными. Но его опыт можно лишь держать в уме, он непередаваем (не транслируем/не интериоризуем) в силу уникальности алексеевского идиолекта. Ближе всех к нему оказываются переводы О. Фишман.

Если взять последние по времени переводы новокитайской прозы, то о них можно сказать, что они характеризуются и лексической, и стилистической, и синтаксической дефектностью. Это переводы, не имеющие своего лица, “стремящиеся” к шаблонизованности/стереотипизации, а не к индивидуализации.

Приведу лишь некоторые примеры (оставляя в стороне третий вид дефектности):

- 1) “... Мань Цзянхун движением головы стряхнул со лба волосы...”,
- 2) “... остановил парня и девушку, руководивших скандированием...”,
- 3) “... уши набрякли...”,
- 4) “... Ху из красного уже стал синим, а глаза еще больше выросли...”,
- 5) “... и ты лишь ощущаешь, что желудок приходит в движение...”,
- 6) “... взобрался на коляску...”,
- 7) “наблюдая за Взем на фоне Гуна...”, “... наконец-то и Гуну укорот вышел...”,
- 8) “на отмели посреди заболоченного участка...”,
- 9) “она... стала другой рукой двигать в свою сторону посохом, цепляя набалдашником за пустые коробки”,
- 10) “белая курятина быстро исчезала в его тонких красивых губах” [3: 22, 24, 37, 45, 55, 119, 164, 197, 243, 255, 268],
- 11) “... река красива, но и деревня по своему изяществу не уступает ей”, “... все это стоило того, чтобы быть запечатленным на картине”,
- 12) “... смастерила куртку на подкладке и с пуговицами”,
- 13) “... стол с подвижной настольной лампой...”,
- 14) “... родом с околицы” [7: 37, 41, 46, 47].

Особенно показательны когнитивные шумы, свидетельствующие в одном случае о недостаточной осведомленности (денотатный провал) Н. Захаровой и С. Кострыкина в тех реалиях, которые они реконструи-

руют в переводном тексте, в другом — о невнимании к “игре” персонажей в микроэпизодах.

Первый случай: “А в это время по обе стороны галереи... выстроились люди, сгорбленные фигурки которых скрываются под *холщовыми мешковинами*...” [3.] Ср.: “Холст. м. холстина... простая, грубая ткань льняная и конопляная, толстое полотно. <...> Мешок, из холстины, холстинный, холстяной, холщевный... [5, IV:560]; “мешковина. ж. редница, грубый холст из выческов, на мешки” [5, II: 372], “... ре(я)днина... ж. грубый деревенский холст, по реденькой основе и с самым легким прибоем...” [5, IV: 120]².

“Смотрите, даже цоколь под внутренние стены подведен” [3: 164]. Ср.: “Цоколь, -я, м. 1. Нижняя часть наружной стены здания или нижняя часть какого-либо сооружения, лежащая непосредственно на фундаменте и несколько выступающая вперед по сравнению с расположенной выше частью” [8, IV: 648]³.

Денотативная расфокусировка наблюдается и в следующем фрагменте: “Часть земли, которая раньше была под пшеницей, Невестка засеяла соей и теперь переживала, что все поле покрыто плетью бахчевых, но *обрезать* их было нельзя. Как-то утром она обнаружила, что плети кто-то *срезал*. Случись *такое* раньше, она подняла бы *такой* крик, что вся деревня долго не смогла бы уснуть. А сейчас она молча прикопала оставшиеся плети” [7: 41]. Ср.: “Соя, род однолетних трав сем. бобовых” [9: 1250]; “Соя... род растений сем. бобовых [1: 597]; “Бобовые, порядок... двудольных растений и его единств. семейство [...], включающее 3 крупных подсемейства: мимозовые... цезальпиниевые... и собственно бобовые, или мотыльковые... <...> В подсем. собственно бобовых преим. травы... <...> Богатые белком семена нек-рых из них — пищ. продукты (горох, фасоль, соя, бобы, чечевица, нут, арахис и др.)” [там же: 75]; “Бобовые, семейство двудольных растений, имеющих плод — боб. <...> Среди Б. есть прод. культуры (фасоль, горох, соя и др.), кормовые (клевер, вика, люцерна и др.), техн. декор. р-ния и т. д.” [9: 148]; “Бахчевые культуры, группа возделываемых растений сем. тыквенных (арбуз, дыня, нет-рые виды тыквы)” [там же: 116]; “Бакча, бакша, бахча... огород в поле, в степи, не при доме; на поднятой плугом целине (новине, непаше) разводят: особ. арбузы, дыни, тыквы, огурцы,

² Словом, “холщовая мешковина” - это масляное масло и ледяной лед.

³ В данном случае акцентируются те признаки денотата, которые, несомненно, являются факультативными и искажающими его структуру.

также кукурузу, подсолнечники, иногда и лук, чеснок, морковь и другие овощи”[5, I: 40]⁴.

Второй случай: “Дети есть дети. В эти дни их занимала одна мысль — как сорвать несколько ароматных плодов. Особенно были озабочены те, кто еще не попал под горячую руку Невестки. И вот первый мальчишка оказался в ее руках. Несмотря на то, что в результате покушения была разбита губа и струйка крови медленно ползла по подбородку, Невестка бровью не повела. Отчаянно ругаясь, она выпустила из рук жертву” [7: 38]⁵.

5. Вопреки мнению Гао Мана — его заметка-предисловие к переводам, опубликованным в “Нашем современнике”, называется “Нет, это не сон!”, — сон нам все-таки снится. И если не дурной, то дядюшкин, хотя, конечно, можно утешать себя, считая, что в “сегодняшней литературе происходят серьезные изменения, она зреет и набирает силу. Появились новые темы, выразительные средства. Остались писатели, верные традиционному творческому методу реализма, но и появилось немало таких, кто смело заимствует и впитывает лучшее из современных направлений других стран” [4: 34].

Вряд ли авторов, представленных и во “Взлетающем фениксе”, и в “Нашем современнике”, следует считать теми, “кто смело заимствует и впитывает лучшее”. “Новые темы и выразительные средства” также остаются вне пределов их возможностей. Эти авторы представляют тот срез китайской художественной литературы, которая до сих пор остается литературой на побегушках, сервильной литературой, литературой манекенов, играющих роль наглядных средств на уроках социализации.

6. Конечно, не вся китайская литература такова. Есть, например, Ван Мэн и А Чэн, Бэй Дао и Ян Лянь, по-иному вписывающиеся в общий горизонт литературы. Он не должен сужаться в угоду корпоративным и личным взглядам переводчика (считающего, например, что мань небесной мы должны ждать только от “деревенской прозы”).

Переводчик — лишь медиатор. И чем меньше у него “точек зрения” — тем лучше.

7. Неоспоримо, по-видимому, и другое: удачный перевод — это, прежде всего, такой перевод, который опирается на психотипическую сходимость автора (исходного текста) и переводчика (см. в связи с этим [6]).

⁴ И далее в этом же фрагменте: “Да и какой еще будет урожай бобовых — все равно это не повлияет на семейный бюджет” [7: 42].

⁵ Вряд ли стилистически оправданно соседство “под горячую руку” и “оказался в ее руках”. Лучше было бы сказать: “Невестка и бровью не повела”. И кто все-таки оказался жертвой покушения?

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 9. – 186 с. ISBN 5-89209-434-0

Если в ориентальном переводоведении приживется и этот принцип, то можно ручаться за положительное итоговое воздействие теста на ПЯ на читателей.

Л и т е р а т у р а

- [1] Биологический энциклопедический словарь. М., 1995.
- [2] Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998.
- [3] Взлетающий феникс. Современная китайская проза. МГУ, 1995.
- [4] Гао Ман. Нет, это не сон! Разговор с русскими читателями о современной китайской литературе // Наш современник. 1997, № 12.
- [5] Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. М., 1955. Тт. I, II, IV.
- [6] Красильникова В. Г., Сорокин Ю. А. Русские художественные версии текстов Джима Моррисона // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 5.
- [7] Наш современник. 1997, № 12.
- [8] Словарь русского языка. М., 1994. Т. IV.
- [9] Советский энциклопедический словарь. М., 1983.